

ГЕРМАН ЛОПАТИН О ТУРГЕНЕВЕ

НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Вступительная статья и публикация А. Н. Дубовикова

Вопрос об отношении Тургенева к русскому революционному движению 70-х годов подвергался рассмотрению во многих книгах, статьях и публикациях, но несмотря на это он не может еще считаться до конца выясненным. Среди основных источников, на которые обычно опираются исследователи и комментаторы, наибольшую ценность (наряду с письмами и художественными произведениями Тургенева) представляют высказывания о нем и о его творчестве самих деятелей революционного народничества — П. Л. Лаврова, П. Ф. Якубовича, Г. А. Лопатина и некоторых других. К сожалению, такого рода высказываний сохранилось не очень много — почти все они были собраны М. К. Клеманом в небольшой сравнительно книжке «И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников» (1930). За прошедшие с тех пор без малого четыре десятилетия фонд этих высказываний пополнился весьма незначительно¹. В связи с этим особенную ценность приобретают публикуемые ниже материалы Лопатина, в первую очередь его статья о Тургеневе, написанная в октябре 1883 г. в форме открытого письма к издателю газеты «Daily News». До сих пор были известны только поздние воспоминания Лопатина о Тургеневе, сообщенные им в беседе с С. П. Петрашкевич-Струмилиной в ноябре 1913 г.² Новонайденная статья, написанная всего через пять недель после смерти Тургенева, в день его похорон, является документом значительно более достоверным и надежным, чем воспоминания, рассказанные Лопатиным через тридцать лет³.

Автограф открытого письма Лопатина о Тургеневе был обнаружен нами в 1954 г. среди бумаг М. П. Драгоманова, входивших в состав «пражской коллекции» Герцена — Огарева, которая в то время находилась в ЦГАОР, а позднее была передана в ЦГАЛИ. Автограф занимает четыре листа почтовой бумаги, заполненных с обеих сторон характерным для Лопатина мелким изящным почерком; текст «письма» подписан его инициалами: «Н. Л.». Автограф содержит несколько зачеркнутых слов и фраз, часть которых не поддается прочтению, а также небольшое количество исправлений, из которых в публикации отмечены лишь наиболее существенные.

1

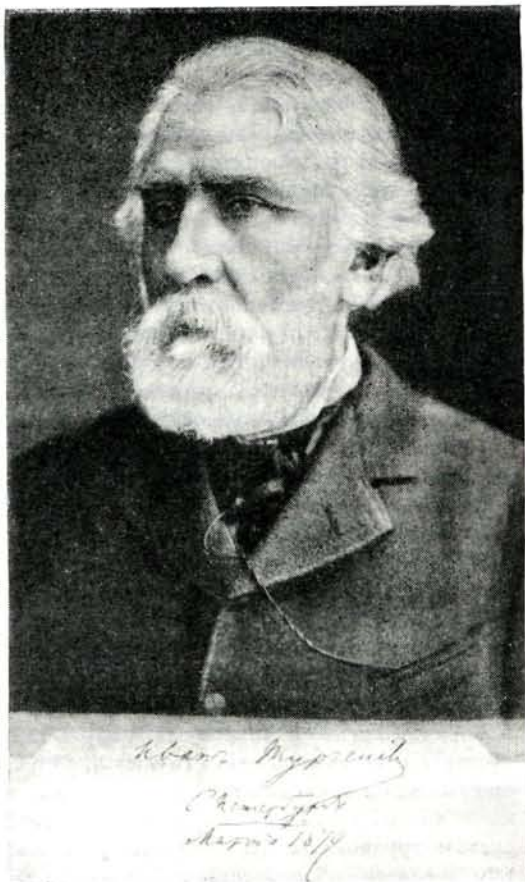
Герман Александрович *Лопатин* (1845—1918), известный участник революционного движения 70—80-х годов, неоднократно подвергавшийся арестам и ссылкам, совершивший ряд смелых до дерзости побегов, познакомился с Тургеневым во второй половине 1873 г. После неудачной попытки освободить Чернышевского Лопатину удалось летом 1873 г. бежать из Сибири. Он сумел добраться до Петербурга и через некоторое время выехал под чужим именем за границу для встречи с Лавровым, налаживавшим в Цюрихе издание журнала «Вперед». Приехав к Лаврову, Лопатин жил затем то в Швейцарии, то в Лондоне, то в Париже, выезжая при этом почти каждый год нелегально в Россию. Его знакомство с Тургеневым состоялось в Париже, очевидно, по рекомендации Лаврова.

ТУРГЕНЕВ

Фотография К. А. Шапиро. Петербург, март 1879 г., с автографической подписью писателя. Выполнена для альбома: «Портретная галерея русских литераторов, ученых и артистов с биографиями и факсимиле. Изд. фотографа Константина Шапиро» (СПб., 1880)

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

В марте 1879 г. Тургенев встречался с Г. А. Лопатиным в Петербурге

Первое упоминание о Лопатине встречается в письме Тургенева к Лаврову от 9/21 февраля 1874 г. Яркая и оригинальная личность Лопатина несомненно возбудила у Тургенева живой интерес, о чем свидетельствует другое его письмо к Лаврову, от 23 ноября/5 декабря 1874 г.: «Я видел здесь нашего несокрушимого юношу Л<опати>-на; он умница и молодец по-прежнему и сообщил мне много интересных фактов — светлая голова!» В своих поздних воспоминаниях Лопатин рассказывал о Тургеневе: «Когда я бывал в Париже, всегда заходил к нему. Он интересовался моими рассказами о России, в особенности после моих странствий» (Т. в восп. рев., стр. 125—126).

Встречи их продолжались вплоть до 1879 г. В письмах к Лаврову этих лет Тургенев часто упоминает имя Лопатина. Через него он передает Лаврову свой ежегодный взнос в размере 500 франков для поддержки издания «Вперед!»; через него отправляет в январе 1877 г. Лаврову, жившему тогда в Лондоне, корректурные листы романа «Новь». Помимо этих деловых упоминаний, он порой просто выражает желание повидаться с Лопатиным, побеседовать с ним за обеденным столом. В биографических заметках о Лопатине, напечатанных впервые в 1888 г. и переизданных отдельной брошюрой в 1919 г., Лавров писал: «Он жил постоянно в Париже, где сблизился с Иваном Сергеевичем Тургеневым, который очень полюбил его <...> Он содействовал основанию Парижской библиотеки, был посредником между Тургеневым и ею, а также между ним и мною в период моего пребывания в Лондоне; через его руки большею частью проходили вклады, вносимые Иваном Сергеевичем на продолжение „Вперед!“⁴. На других страницах этого же очерка Лавров отмечает, что Тургенев вместе с ним уговаривал Лопатина написать воспоминания о пережитом и что он угадывал в молодом революционере «блестящий литературный талант»⁵.

Эти свидетельства Лаврова могут быть дополнены рассказом Г. И. Успенского, вошедшим в его автобиографическую заметку «Мои дети». Успенский вспоминает здесь, как он, будучи в 1875 г. в Париже, пришел вместе с Лопатиным к Тургеневу: «Такой горячей, умной, веселой, продолжительной беседы, которую возбудил Герман Александрович, я не видывал, и видел в возбуждении Ивана Сергеевича великую радость — знать и понять нового энергичного „русского“...»⁶

Дружеская симпатия Тургенева к Лопатину не была поколеблена и после того, как последний выступил в печати с решительным осуждением романа «Новь». В предисловии к вышедшему в Женеве в 1877 г. сборнику «Из-за решетки» Лопатин упрекал русскую художественную литературу в искаженном изображении участников революционной борьбы и их душевного мира. Не смешивая Тургенева с реакционными писателями, Лопатин считал, что и он содействовал своим романом «искажению образа нашего „мученика правды ради“ в глазах нашего общества»; «Частью недостаток знакомства с последним движением и его представителями, частью условия нашей подневольной прессы принудили даже его избрать своими героями наименее характерные и многочисленные типы и заставить их действовать самым несообразным, чтобы не сказать смешным, образом; вследствие чего у читателя невольно получается самое неверное представление как о внутренних мотивах, толкающих наших революционеров на избранный ими путь, так и о формах их деятельности и о степени состоятельности их упований»⁷.

В 1879 г. Тургенев встретился с Лопатиным в Петербурге, куда тот приехал нелегально, под именем Севастьянова, решив, как он говорит в автобиографии, «переселиться в Россию». Петербургским властям стало известно о приезде «государственного преступника», и над ним нависла угроза ареста. Когда Лопатин навестил в гостинице только что вернувшегося из Москвы Тургенева, тот предупредил его об опасности и посоветовал немедленно покинуть Петербург. Об этом сообщил сам Тургенев по приезде в Париж в письме к Лаврову от 31 марта/12 апреля 1879 г., написанном в ответ на известие об аресте Лопатина: «Несчастье, обрушившееся на Лопатина, — было неизбежно; он сам как бы напросился на него. В самый день моего отъезда я умолял его уехать на юг — ибо об его присутствии в Петербурге полиция *знала*. Что теперь сделать — сказать трудно». Лопатин, вспоминая через много лет о своем знакомстве с Тургеневым, рассказал об этой встрече более подробно⁸.

Приговоренный к ссылке и отбывавший ее сначала в Ташкенте, а затем в Вологде, Лопатин в феврале 1883 г. снова совершил побег и вскоре появился в Париже. Лавров поспешил уведомить об этом уже тяжело больного Тургенева, на что тот отвечал 12/24 марта 1883 г.: «Радуюсь благополучному возвращению Л(опатина) и надеюсь скоро с ним свидеться, но мне еще так плохо, что ранее 5 или 6 дней это невозможно». Следующее письмо к Лаврову (оно оказалось последним), написанное 1/13 июня 1883 г., Тургенев тоже целиком посвящает Лопатину: «Так как мне последнее время словно полегчало и я стал способен если не говорить, то хоть слушать, — то не будете ли вы так добры, не попросите ли Лопатина зайти ко мне, когда ему вздумается (если хотите, конечно, и вы с ним) — и я бы очень ему порадовался». Получив это приглашение, Лопатин отправился в Буживаль и добился, чтобы его допустили к больному. Но Тургенев вновь находился в тяжелом состоянии и просил приехать к нему в другой раз. Стесненному в средствах Лопатину трудно было решиться еще на одну поездку в Буживаль: «Я ушел и все собирался съездить. Но... пять франков! Вы понимаете?... и вдруг я узнаю, что он умер... а не сказанное так и осталось не сказанным» (Т. в восп. рев., стр. 122).

2

Через четыре дня после смерти Тургенева, 26 августа/7 сентября 1883 г., Лавров опубликовал во французской социалистической газете «Justice» письмо, в котором утверждал, что Тургенев по собственной инициативе поддерживал издание «Вперед!» денежными взносами по 500 франков ежегодно. Русская либеральная печать хранила молчание по поводу этого выступления Лаврова, до тех пор пока Катков не перепечатал (без комментариев) письмо Лаврова в передовой статье «Московских ведомостей», № 251,

10/22 сентября. Немедленно вслед за тем в либеральных газетах появились статьи с протестами против заявления Лаврова и «инсинуации» Каткова. Письмо Лаврова объявлялось в них «клеветой, возведенной на усопшего», а поддержка Тургеневым эмигрантов истолковывалась как филантропический акт, как проявление доброты и сердечности человека, который «не отказывал в помощи, когда просящая рука протягивалась к нему» («Новости», 1883, № 242, 12/24 сентября).

С решительным опровержением письма Лаврова выступил Стасюлевич, письмо которого в редакцию «Новостей» было напечатано в № 244 этой газеты 14/26 сентября. Опираясь на свое близкое знакомство с Тургеневым, Стасюлевич отвергал самую возможность оказания им помощи революционному изданию и бросал в адрес Лаврова недостойный намек, что он был подкуплен Катковым. В заключение Стасюлевич выдвинул свой главный козырь, которым не замедлили воспользоваться и другие либеральные публицисты. Он перепечатал текст письма к нему Тургенева от 21 декабря 1879 г./2 января 1880 г., в котором писатель заявлял, что он «всегда был и остался „постепеновцем“, либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только *свыше*, — принципиальным противником революции...» (Соч. 1930, т. XII, стр. 405). В роли защитника «чести» покойного выступил и Я. П. Полонский, дополнивший аргументацию Стасюлевича еще одним соображением: «Он изучал нигилизм и всякие другие измы, как ученый доктор изучает гашиш (даже на себе пробует его действие), для того чтобы написать о нем ученую диссертацию» («Новое время», 1883, № 2711, 15/27 сентября). На страницах этой же газеты принял участие в полемике и Суворин (под псевдонимом «Незнакомец»). Объясняя «благодетельные» Тургенева его добротой и слабохарактерностью, а также «тяжелым положением, в котором находился русская эмиграция», он называл его денежные взносы Лаврову «милостыней». Соглашаясь с письмом «Незнакомца», редакция «Нового времени» нападала и на Каткова, и на Стасюлевича, упрекая последнего за слишком деликатное обращение с «лжецом и нахалом» Лавровым (там же, № 2709, 13/25 сентября и № 2711, 15/27 сентября).

В этой напряженной обстановке в кругу петербургских революционеров-народников созрело намерение выступить с прокламацией, которая должна была дать отпор реакционным и либеральным газетам и определить отношение к великому писателю со стороны революционной молодежи. Написанная П. Ф. Якубовичем прокламация была нелегально отпечатана и распространена в день похорон Тургенева. В ней с глубоким презрением и негодованием давалась отповедь и «нововременским флюгерам», «у которых за душой не имеется ни одного истинного, не продажного чувства», и «забитым в угол либералам», которым «ужасно хочется прицепиться к такому удобному случаю, как погребение Тургенева, и отвести свою наболевшую либеральную душу хотя бы в грандиозной демонстрации легального свойства». В заключительной части прокламации говорилось: «Г-мн Стасюлевичами, Я. Полонскими и комп., якобы друзьями покойного, опубликованы как письменные, так и устные мнения И. С. Тургенева о русской революции, в которую он будто бы не верил и которой не служил. Но мы и не утверждаем, что он верил. Нет, он сомневался в ее близости и осуществимости путем геройских схваток с правительством; быть может, он даже не желал ее и был искренним постепеновцем, — это для нас безразлично. Для нас важно, что он служил русской революции сердечным смыслом своих произведений, что он любил революционную молодежь, признавал ее „святой“ и самоотверженной...»⁹.

Рядом с этим первостепенной важности документом мы можем теперь поставить неизвестную до сих пор статью Лопатина, в которой, тоже с позиций непосредственного участника революционной борьбы, дается широкая и принципиально обоснованная характеристика отношения Тургенева к революции.

История написания этой статьи подробно отражена в неизданных письмах Лопатина к Лаврову, сохранившихся в архиве последнего и находящихся теперь в ЦГАЛИ¹⁰. Эти письма в известной мере дополняют статью и освещают также обстоятельства, связанные с попыткой Лопатина опубликовать ее в английской газете. Ниже мы приводим все выдержки из этих писем, относящиеся к работе Лопатина над статьей о Тургеневе, сопровождая их необходимыми комментариями.

3

Почти весь октябрь 1883 г. Лопатин провел в Лондоне, что было связано в первую очередь с выполняемой им революционной работой — незадолго перед тем он взял на себя задачу восстановления партии «Народной Воли», для чего готовился к поездке в Россию. Вместе с тем его переезд в Лондон был вызван в какой-то мере и личными причинами — окончательным разрывом с женой, З. С. Корали (по первому браку Апсеитовой), которая осталась в Париже. Хорошо налаженная почтовая связь между Лондоном и Парижем (письма, как показывают почтовые штемпели, приходили на другой день после их отправки) облегчала Лопатину его переписку с Лавровым, которая протекала весьма интенсивно вплоть до отъезда Лопатина в Россию (он выехал из Лондона через Стокгольм и Гельсингфорс 26 октября и вернулся в Лондон 18 декабря 1883 г.).

3 октября 1883 г. Лопатин писал Лаврову:

«О письмо насчет Тургенева подумаю, когда справлюсь с письмом к Зине, дающим меня как кошмар <...> К тому же мне хотелось бы взглянуть сначала на то, как вы выразили свое отношение к нему во внутреннем обозрении В<естника> Н<ародной> В<оли>» (л. 8—8 об).

Из этого первого упоминания явствует прежде всего, что инициатива в деле написания «письма насчет Тургенева» исходила от Лаврова. Сам он, ввиду того недостойного характера, который приобрела полемика вокруг его заявления, вынужден был отказаться от дальнейших публичных выступлений по этому вопросу¹¹. Но он считал, очевидно, необходимым, чтобы в западноевропейской печати появилось прямое подтверждение тех фактов, которые он сообщил о Тургеневе в газете «Justice», — тем самым широким кругам европейской общественности должен стать ясен истинный смысл обвинений в лжи и клевете, которые выдвинула против Лаврова русская либеральная печать. Судя по приведенной выдержке из письма Лопатина, первоначально предполагалось, что некролог Тургенева для «Вестника Народной Воли» будет написан Лавровым. Очевидно, он, по тем же соображениям, отказался от этого, и некролог был написан Л. А. Тихомировым (см. его текст ниже, на стр. 248—249).

Получив на следующий день, 4 октября, письмо Лаврова, Лопатин отвечал ему: «Где вас ругают и обвиняют во лжи? Только в русских газетах или и в иностранных? Почему вы рекомендуете мне „Pall Mall Gazette“? Ведь она, кажется, консервативная? Разве потому, что там работал Энгельс, который мог бы рекомендовать меня со стороны veracity*? Я, конечно, ничего не имею против письма в английские газеты; но мне нужен какой-нибудь повод или предлог для этого письма. Вот, если бы вы могли прислать мне какую-нибудь французскую газету, где ваше письмо было подвергнуто сомнению, это было бы недурно. Сверх того, боюсь, что мое письмо выйдет непременно очень длинным» (л. 9).

Нужно думать, что Лавров продолжал настаивать на своем предложении и ожидал от Лопатина более определенного, чем в его первом письме, ответа. Таким ответом и явилось письмо от 4 октября: в нем уже обсуждается практический вопрос, в какую газету его направить. В «Pall Mall Gazette», которую предложил Лавров, Энгельс действительно сотрудничал в прошлом — в 1870—1871 гг. он помещал там корреспонденции о франко-прусской войне. Лопатин давно находился в дружеских отношениях с Энгельсом, часто встречался с ним в Лондоне, и мысль прибегнуть к совету и содействию друга и соратника Маркса была для него вполне естественной.

Разговор с Энгельсом состоялся, и в результате его проект использования «Pall Mall Gazette», превратившейся к этому времени в реакционный орган, отпал. 6 октября Лопатин сообщает Лаврову о новом плане, выдвинутом младшей дочерью Маркса Элеонорой (домашние и друзья звали ее Туси), — с ней Лопатина связывала давняя дружба, возникшая еще летом 1870 г., когда он в первый раз появился в лондонском доме Маркса и когда Туси со всем рвением подростка взялась за обучение Лопатина английскому языку¹².

* правдивости (англ.).

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Надлежательной еще когнитивной познать, у чего счастливо трудяся приходится находиться, а также. Среди этого шума и гамы грешно небыть разлитием голоса по-временных факторов, у которых за душой не является ни одного истинного, неподдельного чувства, а в голове вытеснен любой полит. программой, кроме программ чужого предпринимательства, влияний времени. В то году не бывало признания родины эти бульварные руководители обществ, никакой удерживаясь в области красоты, искусства для искусства и какой-то якобы высшей правды вне условий места и времени, о них формы глумятся надо небыть, и чем просвещенней невинности, тем резковидней мысль и чувство. Умер Тургенев—она и его привлекают к жизни жаркие объятия, и его торжественно отдали револьверной стеной от всякой злобы дня, от русской молодежи, от ее идеалов, надежд и страданий; лицемерно поклоняясь перед ним, лицемерно захлебываясь от восторга, он является доказат., что он был худший, ничто и ничего больше, пропаганда отвлеченной от жизни красоты и правды, и что в этом будто бы и заключается его великое общественное значение.

Забываясь, мы утратили способность
са протестовать против такой утраты по-
становили вопроса: но с другой стороны
жизни удалось хочется принципially пере-
ломку удобную случаю, какъ въ табач-
Туренева, и отнестъ свою лабазничью
лабазничью думу хотя бы въ традици-
ной демонстрацiи легальнаго свободства
Она дрожать и трепетать, какъ бы кто-
не вырвать у нихъ изъ рукъ этого
предвѣнаго наслѣдства, и съ нѣ-
у вѣ у рта ополчатся почему на Лав-
рова, опубликованнаго наѣстное письмо
калечатъ вѣли существующихъ клѣвко-
въ въ чистотѣ съумошлаго и наѣ-
терѣн. «Она забываютъ при этомъ дѣ-
ство, что Туренева, нѣя утѣненіе рус-
ской печати, не мѣтъ не сочувствіи
своимъ же слову. Этихъ объясненіи
и слабѣсть ихъ протеста противъ ново-
временскъ характеристикъ Туренева
какъ вселеннѣннѣе убожизна.

Но такт, русским революционерам
 советские страны; для наших (всех)
 советские безразлично, взаимности
 под покровом Тургенева или же такт
 такт издала на временное самоуправление
 который способен демократизации госу-
 пода либерал, а охватывает, реаль-
 ные факты, сильные и записные шаг-
 вперед. Поэтому мы можем, грешить
 сказать, что был Тургенев для нас
 для нас, кто был Тургенев для нас
 делал, артефактом, за воспитание и

рисугу. „Погостеновецъ“ по убѣжденіямъ Тургеневъ, быть можетъ, безосновательно для самого себя вложилъ чужіи и любящіи сердцемъ сочувствовать, и даже служивъ русской революціи. Ни за красоту слога, ни за поэтическія живыя описанія картинъ природы, наконецъ ни за правдивыя и неподражаемо талантливныя изображенія характеровъ вообще такъ страстно любить Тургеневъ была лучшая часть нашей молодежи, а за то, что Тургеневъ былъ честнымъ, проводившимъ всю жизнь цѣлому цѣлому для молодыхъ поколѣній, нѣмного или безпримѣрно, чисте-русского идеализма, изображавшемъ въ внутреннѣйшій мучи и душевной борьбы,—то страшнѣйшій, и беззащитной готовности на жертву. Образъ Рудина, Нисарова, Елены, Базарова, Нежданова и Мелконова—не только живыя и живучіи чинныя изъ жизни образы, но—какъ на страшнѣйшій покажетъ изъ его перваго взгляда—его типъ, который подражала молодежь и которые самъ создавалъ жизнь. Воронцовъ съ освобожденіемъ роднаго народа еще не было въ Русь, когда Тургеневъ нарицалъ своего Нисарова; но бѣловороту типу воспѣвалось цѣлое поколѣніе такъ измѣнившихъ нигилистовъ, бѣлихъ въ свое время необходимую грядущій выраженіи русской революціи. Безъ прувеличеній можно сказать, что многіе герои Тургенева живы въ историческомъ значеніи. Глубокое чувство, сердечной боли, пронизывающее „Номъ“ и замаскированное этикетомъ той дрянной, не уменьшающей нашей любви къ Тургеневу. Мы гдѣ знаемъ, что эти дрянь и пропой непрошеного на катакомбнаго лагерь, а сердца любящихъ и болѣющихъ за молодежь. Да въ томъ же не съ подобной ли же пропой относился теперь сами мы къ движению социалістическаго гонимъ, въ которыхъ, не смотря на его несомнѣнную искренности, страстности и героическую самоотверженности, действительно было много панибратства...

Р.Г. Спасско-Янчича, Я. Подоласки и ком., являю друг другу почти так опубликованы как письменны, так устными ивитами И. С. Тургенева о русской революци, из котору он буди не вярять и котору не слухать. Но мы и не угадывали, что он вярять. Ибо, он сомнѣвался из сближенности и осуществленности путей, русскіе хватать с правительствомъ быт можетъ, онъ даже не желаетъ и был искренней постопаюванъ—зла для насъ безразлично. Для насъ важно, что онъ служилъ русской революци.

сердечным смелом своих произведений, что он любил революционную молодежь, признавал ее „святой“ и самоотверженной...

[illegible]

ПОРОГЪ.

Пронуді. «Стихотвореніє въ прозѣ». Тургеневъ.

И вижу громадное здание. В передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь, за дверью угрюмая ягла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... Русская дѣвушка.

Морозом дышит та непроглядная жгла и вылетъ съ леденящей струей выносятся изъ глубины зданія медлительный, глухой голосъ.

„О ты, что желаешь переступить этот порог, знаешь ли ты, что тебя ожидает?“

—Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.
„Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки,
презрѣніе, обида, тюрьма, болѣзнь, самая
смерть?“
—Знаю.

—Знаю... Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

„Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?“

— Да... и отъ нихъ.
— Хорошо. Ты готова на жертву?
— Да.

— На безымянную жертву? Ты погибнешь. — и никто... никто не будет даже знать, чью память почитать.

— Готови ли ти... на преступление? —
Дівчинка потупила голову.

—И на преступление готова...
Годясь, не тотчас возобновилъ свой
вопросъ.

— Знаешь ли ты, заговорилъ онъ на-
конецъ, что ты можешь разувѣриться въ
томъ, чему вѣришь теперь. Можешь по-
нять, что обманулась и даромъ погубила

—Знаю и это. И все-таки я хочу пойти.
..Войди!..

— „Дура!“ проскрежетал кто-то сзади.
— „Святая!“ прошепелось откуда-то из
окошка.

Дет. гал. «Н. В.» С. Петербургъ 25 сент. 1887г.

«И. С. ТУРГЕНЕВ»

Прокламация народовольцев. СПб., 25 сентября 1883 г.

Распространялась в Петербурге в день похорон Тургенева. Текст написан П. Ф. Якубовичем. В прокламации впервые опубликовано стихотворение в прозе «Порог»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

«Отвечаю, как всегда, немедленно. <...> В „Pall Mall“ теперь другая редакция, с которой Engels не имеет никакой связи. Но Туси может сунуть туда через Aveling'a¹³. Она же предлагает сунуть в „Daily News“ (конечно, не ручаясь вполне за успех ни в том, ни в другом случае). Но говорит, что письмо должно быть *коротко* и притом написано как можно *скорее*. Но в том-то и загвоздка, что я не умею писать коротко...» (л. 10).

В следующем письме, датированном 9 октября, Лопатин отвечает на какие-то советы Лаврова, касающиеся содержания и объема будущего «письма о Тургеневе», и делится с ним своими соображениями о сложившемся уже в его сознании плане этого письма:

«Ваше письмо от 7-го пришло вчера вечером, без меня. Попробую нацарапать сегодня письмо о Т<ургеневе>. Но вместить даже то, что вы говорите, в 7—8 строк (!) немисливо. Я и не собирался передавать отрицательных отзывов Т<ургенева> о революционерах; да никогда и не слыхал их от него. Письмо Стасюлевича прочел. Почтенный князь совершенно переврал ваше свидание¹⁴. Это-то больше и поощряет меня взяться за перо. <...> Никаких „воспоминаний“ о Т<ургеневе> я писать не собирался. Я именно хотел только (в виде письма к вам): 1) Подтвердить факт о 500 frs. 2) Сказать, что он помогал через меня эмигрантам. 3) Рассказать, как он смотрел на овацию в его пользу, и 4) сказать, что он предупреждал меня о последнем аресте» (л. 11).

В тот же день «письмо о Тургеневе» было написано, однако оно действительно получилось слишком длинным, и это повело к ряду осложнений, о которых идет речь в письме от 10 октября:

«Вчера, устыдившись ваших увещаний, я схватил перо и здесь же, в Br<itish> M<useum> навалил письмо о Тургеневе, которое тут же принялся перевозить на английский берег. Воспользовавшись прибытием Литвинова, я оторвал последний листик и вручил ему для ускорения дела. К ужасу моему, у меня вышло ни мало, ни много, как 8 страниц (!), или 10 000 букв, т. е. почти целый газетный столбец мелкого английского петита, на каковой я ухлопал почти целый день. С отчаянием в душе оттащил мое детище к Туси, но не застал ее дома. Сегодня она наотрез объявила мне, что *ни одна* английская газета не примет моей рапсодии, что это не письмо, а статья и проч. Говорю: „Что делать? Я не умею писать иначе. Сейчас же отошлю мое чадо Л<авро>ву, чтобы он видел, что не лень помешала мне выполнить это дело“. Говорит: „Напишите маленькое фактическое письмо только о самом главном“. Ответствую: „И Л<авров> советовал мне то же. Но я не умею сокращать и отказываюсь от этого“. — „Хотите, я сокращу вам, а вы переписите с теми изменениями, которые сочтете нужными?“ — „Много обяжете меня. Обязуюсь даже переписать без всяких изменений“.

Она проворно начертала две странички, а я переписал их, как школьник поздравительное письмо к родителям. Затем она прибавила от себя письмецо к издателю „D<aily> N<ews>“, и все сие было брошено в почтовый ящик. Ручаться за напечатание она, конечно, не может, но говорит, что до сих пор он еще ни разу не отказывал ей. Буду следить теперь за „D<aily> N<ews>“. Если письмо появится в „D<aily> N<ews>“, то пришлю вам экземпляр; буде же нет, то пришлю обе черновые, чтобы вы видели, что я сделал все возможное. Она уверяет, что передала в сокращении *мое* письмо; но это не совсем точно: в особенности фраза о сочувствии революционерам, хотя и смягченная мною, все же вышла слишком сильна. Но капризничать не приходилось, и я взял на душу этот грех. Очень настаивала она на том, чтобы я писал всюду *my old friend Turgeneff* *; иначе, говорит, не пройдет; и я еле-еле мог умолить ее ограничиться однократным употреблением более неопределенного иностранного термина *my friend* **» (л. 12—12 об.).

Из этого обстоятельного письма становится ясным, почему большое письмо Лопатина (собственно говоря, как признает и он сам, — статья) не появилось в английской газете. Пожалуй, самое интересное в приведенном письме — это рассказ о том, какую активную роль в этом деле сыграла Элеонора Маркс. Написанное ею за Лопатина краткое письмо о Тургеневе было напечатано в утреннем выпуске «Daily News» 11 октября.

* мой старый друг Тургенев (англ.).

** мой друг (англ.).

ЭЛЕОНОРА МАРКС

Фотография, 1876

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС, Москва

12 октября Лопатин шлет Лаврову очередное письмо, в котором сообщает:

«Посылаю вам три газетных вырезки: одна из них — мое (?) письмо о Т<ургеневе>. Первая подчеркнутая фраза, несмотря на мои смягчения, вышла все-таки очень резка, и мне могут выдрать за нее уши. Во второй таковой же фразе у Туси стояло *innnumerable**; я смягчил на *many and many***; а наборщик напечатал *money and many****. Чёрт-издатель пропечатал и мой адрес, который я скрывал от публики и друзей. Письмо появилось утром, а вечером я уже стал „a public character****“ <...> Вы знаете, что Стасюлевич (со слов Мещерского) задел лично Клемансо, сказав, что он притворился поверившим вам *из личной ненависти к Тург<еневу>*. Возможно, поэтому, что „Justice“ вздумает перепечатать мое подтверждение. Если это будет так, то пришлите мне этот №. Со временем я вышлю вам первую редакцию моего письма, быть может, она пригодится вам для „В<естника> Н<ародной> В<оли>“» (л. 14).

Мысль о напечатании лопатинского заявления и в «Justice» была одобрена Лавровым, но, вероятно, он предпочел, чтобы это была не перепечатка из «Daily News», а первоначальный полный текст. Лопатин ответил ему письмом, помеченным: «Понедельник, утро» — это было 15 октября.

«Ваше субботнее письмо получил, конечно, только сейчас. Начинаю с тургеневщины. Письмо Стасюлевича непременно прочтите и поскорее. Я думаю, вы согласитесь после этого, что я имел право назвать Мещерского по имени. <...> Вы не ошибаетесь, я действительно не собирался писать особых „воспоминаний“ о Т<ургеневе>. Во-первых, боюсь, что я ничего очень интересного не помню. Во-вторых, клянусь, что Т<ургенев> никогда не *говорил* о „либералах“ и „правительстве“, а просто *сплетничал*

* бесчисленные (англ.).

** многочисленные (англ.).

*** деньги и многие (англ.).

**** популярной личностью (англ.).

и рассказывал анекдоты о высокопоставленных лицах и о царской фамилии. Посылаю вам черновую моего первого письма в „DAILY NEWS“. Я желал бы, чтобы оно появилось в печати без изменений и с следующим (примерно) предисловием: „Вследствие всевозможных инсинуаций и обвинений, появившихся в русских газетах по поводу моего письма в „La Justice“, Г. А. Лопатин нашел нужным обратиться в „DAILY NEWS“ с своим собственным письмом по тому же предмету, которое мы приводим ниже. Но для этого письма по чисто русскому вопросу помешала принятию его в английские газеты, и ему пришлось удовольствоваться напечатанием коротенького, чисто фактического письма, в котором он, как посредник в денежных сношениях Тургенева со мною, подтверждает с своей стороны сообщенное мною известие“. Дело в том, что я не желал бы помещения чего-либо в „Вестнике Народной Воли“ прямо от меня. В случае ареста, я желал бы опираться снова на мою старую отговорку, что это писано обо мне, даже с моего ведома, но не по моей инициативе. Я не помещал ничего в агитационных русских органах. (Конечно, эти соображения и желания ничуть не помешали бы мне печатать в них что угодно под псевдонимом, известным негласно всему свету. Мне нужен только юридический locus standi *.) Быть может, и не одобрите этого нежелания выступить на сцену под собственным именем. Но, не считая себя никогда эмигрантом, я, право, не вижу никаких резонов дозволить осудить себя и лишиться прав состояния из-за каких-то пустяков. Добро бы за дело! а то за подпись под ерундой» (л. 38—38 об.).

17 октября Лопатин послал Лаврову еще одно письмо; возвращаясь в нем к тому же вопросу о перепечатке его статьи во французской газете, он вновь подчеркивает два своих условия: «1) чтобы в нем не делали изменений и 2) чтобы оно имело вид дошедшего до редакции факта, а не моей статьи» (л. 17).

Посылая Лаврову 22 октября вырезку из «Таймса» о похоронах Тургенева, Лопатин изложил свое итоговое мнение обо всем происшедшем:

«Мне кажется, что теперь либералы должны быть благодарны вам: правительство явно сделало все, чтобы отнять у похорон демонстративный характер и обесцветить их; и несмотря на это, т. е. прямо назло ему, демонстрация вышла грандиозною, т. е. щелчком ему по носу. Ваше письмо помогло подчеркнуть этот характер похорон и помешало царской фамилии, войску, полиции и т. п. испортить дело, фальшиво слезшись с обществом у этой могилы» (л. 21).

Французский перевод статьи-письма Лопатина о Тургеневе появился в «Justice» 22 или 23 октября — уже 24 октября Лопатин извещал Лаврова:

«„Justice“ пробежал мельком, на omnibus, больших отступлений не заметил» (л. 24 об.).

Это было последнее упоминание о публикуемом нами документе в письмах Лопатина к Лаврову.

Дальнейшая судьба автографа Лопатина представляется довольно ясной. От Лаврова он перешел к Драгоманову — очевидно, в связи с намерением последнего опубликовать его в одном из зарубежных русских изданий. Трудно сказать, когда именно мог возникнуть такой проект, но он бесспорно существовал: в папке с автографом Лопатина находится лист, на котором рукой Драгоманова переписано начало «письма о Тургеневе» со следующим подстрочным примечанием:

«Мы имеем русский автограф этого письма, подписанный инициалами автора, которых, впрочем, воспроизводить здесь не считаем удобным, хотя автор и предназначал их для помещения в газете. Нам неизвестно, был ли напечатан в английской газете перевод этого письма, но так как, во всяком случае, газета эта с трудом доступна для русской публики и так как письмо это заключает некоторые данные для характеристики Тургенева, то мы считаем полезным напечатать здесь это письмо» (л. 1).

По каким-то неясным для нас причинам копирование письма Лопатина было превращено на первых же строчках, проект Драгоманова остался неосуществленным, и этот интересный и значительный документ не вошел своевременно в литературу о Тургеневе.

* предлог (лат.; буквально: место стоянки, пристанище).

4

От народовольческой прокламации, выпущенной в Петербурге в день похорон Тургенева, письмо Лопатина, при почти полном совпадении в общей оценке отношения Тургенева к революции, отличается отсутствием полемического элемента, сдержанным тоном и строгой фактичностью.

Несомненный интерес представляет прежде всего первая часть письма, в которой дается выразительная картина полицейских мероприятий, направленных на недопущение каких бы то ни было демонстраций во время похорон Тургенева. В русской легальной печати об этом ничего не сообщалось в связи с тем, что еще 17/29 сентября Министерство внутренних дел разослало по всем редакциям петербургских газет секретный циркуляр, в котором предлагалось «не сообщать решительно ничего о полицейских распоряжениях, предпринимаемых по случаю погребения И. С. Тургенева, ограничиваясь сообщением лишь тех сведений по этому предмету, которые будут опубликованы в официальных изданиях»¹⁵.

Несмотря на это категорическое запрещение, слухи о полицейских мерах просочились в общество из официальных сфер и получили настолько широкое распространение, что в печати появились специальные опровержения. Так, в газете «Новости» (№ 250, 20 сентября) под рубрикой «Русская летопись» было напечатано: «Прежде всего необходимо категорически опровергнуть все курсирующие в городе слухи о препятствиях, встречаемых будто бы „распорядительным комитетом для погребения тела И. С. Тургенева“. Все ограничения, поставленные готовящемуся печальному торжеству и опубликованные распорядительным комитетом, не выходят за пределы требований внешнего благочиния»¹⁶.

Достоверность сообщаемых Лопатиным сведений об усиленном наряде полиции, подкрепленном воинскими силами, подтверждается подлинными документами «Дела о похоронах И. С. Тургенева», сохранившимися в архиве департамента полиции и опубликованными в извлечениях Ю. Никольским в 1917 г. Например, в конфиденциальном «Распоряжении со стороны полиции» указывалось: «Особый наряд от полиции и жандармов. Часть этого наряда сопровождает шествие, и, кроме того, по пути следования усиленный наряд полиции. Волково кладбище с утра будет очищено от публики, а затем усиленные наряды полиции займут посты около двух входных ворот и у Новой церкви, близ которой приготовлена и могила. Кроме того, в шествии будет находиться 100 человек наблюдательной охраны, а на кладбище — 130 человек наблюдательных агентов. На случай потребности в усилении наряда, в помещении Ямской команды будет находиться полицейский резерв. Чтобы оберечь забор кладбища, который может повалиться от напора публики, которая не будет допущена на кладбище без билетов, кругом него будут поставлены казаки...»¹⁷.

Наиболее ценным в публикуемом письме Лопатина является выразительная характеристика политических позиций Тургенева — она очень объективна и доказательна. Не преувеличивая и не преуменьшая степени свободомыслия Тургенева и его сочувствия делу революции, Лопатин сумел показать, что «он был всегда горячим другом политической свободы и непримиримым ненавистником самодержавия». Письмо Лопатина действительно вполне объясняет, почему Тургенев, никогда не бывший революционером и не обладавший строго продуманной системой политических взглядов, «всегда относился с самым горячим сочувствием ко всякой самоотверженной борьбе с ненавистным ему самодержавием и всегда был готов помочь участникам в этой борьбе всем, что он считал совместимым с собственным самосохранением, не разбирая при этом тех программ и знамен, под которыми сражались эти люди».

«Письмо» Лопатина печатается по автографу, хранящемуся в ЦГАЛИ (ф. 1065, оп. 4, ед. хр. 17 б, лл. 2—5 об.). Фамилии Тургенева и Лаврова в автографе всюду обозначены инициалами. В публикации эта особенность не отмечается.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. статью С. И. Мицкевича «Тургенев и революционное народничество» («Лит. критик», 1934, № 9) и воспоминания П. П. Викторова, опубликованные Н. В. Алексеевой (И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960).

² Впервые опубликованы в ж. «Красная новь», 1927, № 8; перепечатаны — Т. в восп. рев., стр. 109—136.

³ Говоря о большей достоверности публикуемого документа, мы не хотим ставить под сомнение ценность поздних воспоминаний Лопатина. Наоборот, в ряде мест, как будет показано ниже, оба источника совпадают — убедительное свидетельство того, что и в преклонном возрасте Лопатин сохранил отличную память.

⁴ «Процесс 21-го, с приложением биографической заметки о Г. А. Лопатине». Париж, 1888, стр. XXX—XXXI. Перепечатано отдельной брошюрой: П. Л. Лавров о в. Герман Александрович Лопатин. Пг., 1919.

⁵ Там же, стр. II. — Несколько ниже Лавров называет Лопатина «писателем, блестящие страницы писем которого восхищали Тургенева» (стр. VII).

⁶ Г. И. Успенский й. Полн. собр. соч., Изд-во АН СССР, т. XIV. <М.>, 1954, стр. 588. Заметка «Мои дети» написана в 1893 г., когда Успенский находился в психиатрической лечебнице. Но, по справедливому указанию комментатора, она была написана «по-видимому, в период относительного улучшения здоровья писателя» (там же, стр. 742). О том, что «знаменитый романист» был увлечен «могучей индивидуальностью Лопатина», вспоминает и Н. С. Рusanов («Г. А. Лопатин» — в кн.: «Галерея Шлиссельбургских узников», ч. I. СПб., 1907, стр. 195—196; подпись: Н. Е. Кудрин).

⁷ Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим процессам в период 1873—77 гг., осужденных и ожидающих суда. Женева, типография газеты «Работник», 1877, стр. XV. Это предисловие, занимающее видное место в ряду критических откликов на роман «Новь», остается трудно доступным даже для исследователей (лишь отрывок из него был воспроизведен М. К. Клеманом, при этом не вполне исправно, в сб. Т. в восп. рев., стр. 326—329, в прим. к воспоминаниям В. Ф. Гинтова-Дзевалтовского). Ввиду этого мы перепечатываем в приложении к настоящей публикации его текст в части, относящейся к художественной литературе.

⁸ Т. в восп. рев., стр. 126—127. — Судя по этому рассказу Лопатина, он виделся с Тургеневым в Петербурге три или четыре раза. Первая их встреча произошла после 8/20 марта 1879 г., когда писатель приехал из Москвы в Петербург; последнее свидание следует датировать 21 марта/2 апреля, т. е. днем отъезда Тургенева за границу, что согласуется и с указанием последнего в цитированном выше письме к Лаврову; но в отличие от этого письма Лопатин относит предупреждение Тургенева о предстоящем аресте к встрече, состоявшейся накануне, т. е. 20 марта/1 апреля. М. К. Клеман ошибочно отнес первую встречу Тургенева с Лопатиным и совет немедленно покинуть Петербург к 9/21 февраля 1879 г. («Летопись», стр. 277). Источником этой ошибки явился неисправный текст первой публикации письма к Лаврову от 31 марта/12 апреля 1879 г.: «В самый день моего приезда <вместо правильного: отъезда— А. Д.> я умолял его уехать на юг...» («Былое», 1906, № 2, стр. 218—219; см. также: Т. в восп. рев., стр. 101—102).

⁹ Т. в восп. рев., стр. 3—8. — Здесь же, в комментариях к прокламации (стр. 8—14), сжато охарактеризована полемика в печати, вызванная письмом Лаврова.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 285, оп. 1, ед. хр. 15, лл. 1—44 об. — В дальнейшем при цитировании этих писем указываются в скобках только номера листов. Ответные письма Лаврова к Лопатину остаются неизвестными.

¹¹ Несколько позднее Лавров писал в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества»: «Всем известные обстоятельства делают для меня, по моему мнению, неприятным говорить о той сцене, которая разыгралась в русской прессе после его смерти» (Т. в восп. рев., стр. 78).

¹² Вопросу о дружбе, связывавшей Лопатина с Марксом и его семьей, посвящены книги: В. Антонюв. Русский друг Маркса Г. А. Лопатин. М., 1962; Ю. М. Рапопорт. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М., 1960. — Очерк жизни Элеоноры Маркс-Эвелинг дан в книге: О. Б. Воробьева и И. М. Синельникова. Дочери Маркса. М., 1961, стр. 101—143.

¹³ Эдуард Эвелинг (1851—1898) — английский социалист, пропагандист идей Маркса. В 1884 г. Элеонора Маркс стала его гражданской женой.

¹⁴ См. ниже прим. 3 к письму Лопатина.

¹⁵ Л. С. Утевский й. Смерть Тургенева. Пб., 1923, стр. 70.

¹⁶ Глухие упоминания о готовящихся в Петербурге полицейских мероприятиях содержатся в письмах Стасюлевича к жене, написанных по пути из Вержболова в Петербург, когда он сопровождал гроб с прахом Тургенева (Стас., стр. 236—239).

¹⁷ «Былое», 1917, № 4, стр. 150—151.

9 октября <18>83.

Издателю «Daily News» *

Сегодня происходит в С.-Петербурге торжественное погребение великого русского беллетриста Тургенева. Как ни странно может показаться это на первый взгляд, но, при ненормальном положении всех дел в России, даже этот простой факт вызывает беспокойство русского правительства и заставляет его принимать заранее разные меры предосторожности. Известно, что с.-петербургская полиция подкреплена на этот день целым полком пехоты; что распорядители похорон получили приказание направить процессию не по главным улицам, а по Обводному каналу, огибающему город с южной стороны; что офицерам и воспитанникам военно-учебных заведений запрещено присутствовать на этом торжестве, что в Медико-хирургической академии и в военных гимназиях запрещена даже подписка на венок, и т. д. и т. д. Русские либеральные газеты очень смущены и опечалены этими обстоятельствами и горько обвиняют Лаврова за напечатанное им в «Justice» письмо, в котором он заявил во всеуслышание, что покойный Тургенев жертвовал ежегодно по 500 frs на русский революционный журнал «Вперед!» во все время существования этого издания.

Желая смягчить впечатление этого письма на правительство и общество **, наши газетчики уверяют, что это известие есть просто ловкий маневр со стороны Лаврова, желавшего способствовать всеми средствами увеличению царствующей в русском обществе смуты; и что если Лавров и получал что-либо от Тургенева, то получал лично, на свои нужды, а никак не на революционную борьбу. А некоторые из них заходят даже так далеко, что не обинуясь называют все письмо Лаврова недостойною выдумкою и клеветою на покойного Тургенева.

Всем знающим сколько-нибудь Лаврова, отлично известно, что правдивость его не нуждается ни в чьей защите и подтверждениях. Тем не менее, я считаю нравственным долгом засвидетельствовать с своей стороны, что факт предложения Тургеневым *по своей собственной инициативе* определенного ежегодного взноса на «Вперед!» был отлично известен мне в свое время. Мало того, так как «Вперед!» издавался в Лондоне, а Тургенев жил в Париже, то все эти взносы совершались всегда через *мое посредство* со всеми принятыми в этих случаях письменными формальностями, следы которых сохранились, конечно***, и по сей час в архивах редакции. Объяснять себе этот факт филантропическими чувствами Тургенева значило бы прибегать к уловке, которая не может обмануть никого решительно. Несомненно, что Тургенев был очень добрый человек и охотно помогал нуждающимся, а особенно пострадавшим в самоотверженной борьбе с правительством за общественную свободу. Никто не может знать этого лучше меня, который во все время пребывания моего в Париже был его *grand aumônier***** по части пособий эмигрантам. На мне лежала обязанность разузнавать о лицах, находящихся в крайней нужде и заслуживающих пособия, и посылать их к Тургеневу, с указанием рода и размера ожидаемой от него помощи. Я же должен был расследовать и устранять разных quasi-революционных попрошайек, которыми кишат все большие города. И, к чести русской эмиграции, я должен сказать, что, несмотря на великодушный образ действий Тургенева в подобных случаях, примеры обращения к его великодушию были сравни-

* Далее в автографе густо зачеркнуты три строки.

** на правительство и общество вписано

*** конечно *вписано вместо зачеркнутого*: по всей вероятности

**** Высшее духовное лицо при короле Франции, заведовавшее раздачей милостыни

Прислан из библиотеки М. Л.

этот побег удар минимал ударом, который
 повел со самодержавия, правительств
 и т. д., но которое он имел и в повелении
 во все свои дни. Но свое будущее, и т. д.
 Менделеев в своем сознании и интуиции
 воспринимал мысль, и даже очень близко
 это видение, и т. д., и т. д., и т. д.
 своему другу Стасюлевичу совершенно
 исподволь в русском государстве все сдвину-
 тое свое разложение и абсурдность и в
 смысле этого понимания. Трудно же не
 сознательным образом и невольно
~~и т. д., и т. д., и т. д.~~ и т. д., и т. д.
 даже и неграмотным человеком в области
 и в своем видении, и т. д., и т. д., и т. д.
 реакционера Камкова, и т. д., и т. д., и т. д.
 и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.
 и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.

И так как это изображение не могло
 быть, и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.
 и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.
 и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.
 и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.
 и т. д., и т. д., и т. д., и т. д., и т. д.

СТАТЬЯ Г. А. ЛОПАТИНА О ТУРГЕНЕВЕ

Автограф, 9 октября 1883 г. Последний лист с подписью автора: «Н. Л.»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

простой народ, наше крестьянство, и охотно мечтал о наступлении для
 него лучших дней, которые он представлял себе в довольно туманных,
 полусоциалистических, полуфантастических образах². Но несмотря на
 отсутствие строгой продуманности в его политических взглядах, он
 всегда относился с самым горячим сочувствием ко всякой самоотвер-
 женной борьбе с ненавистным ему самодержавием и всегда был готов
 помочь участникам в этой борьбе всем, что он считал совместимым с соб-
 ственным самосохранением, не разбирая при этом тех программ и знамен,
 под которыми сражались эти люди. Конечно, многие из этих людей хо-
 рошо помнят еще и могут засвидетельствовать перед целым светом тот
 неизменно ласковый прием, который они встречали у него. Что касается
 лично до меня, то я никогда не забуду той предупредительной заботли-
 вости, с которой он поспешил предупредить меня в 1879 г., что мое пре-
 бывание в С.-Петербурге под чужим именем стало известным властям, ко-
 торые деятельно разыскивают меня, и того дружеского участия, с кото-
 рым он горячо умолял меня бросить все и поскорее покинуть столь опас-
 ный для меня С.-Петербург.

Многие друзья Тургенева горячо упрекали Лаврова за то, что он воспользовался его смертью для целей политической агитации. Несомненно, что Лавров, публикуя свое письмо, действительно желал поставить русское правительство в затруднительное положение и вынудить его или похоронить со всеми официальными и неофициальными почестями прах одного из злейших своих врагов, или же отказать в этих почестях праху человека, которого знала и любила вся читающая Россия, не могшая, конечно, отнестись без негодования к такому мальтретированию своего любимца. Но я могу повторить здесь по этому поводу только то, что я сказал уже лично князю Мещерскому, который упрекал в моем присутствии Лаврова за его письмо. Я отлично помню еще свое свидание с Тургеневым в С.-Петербурге в 1879 г., тотчас после тех оваций, которыми осыпала его тогда русская публика. Вот что сказал он мне в заключение своего рассказа: «Я знаю, что недоразумения, существовавшие так долго между мною и русскою молодежью, рассеялись и что она вернула мне свою любовь. Но я не так самонадеян, чтобы приписывать все эти овации моим скромным литературным заслугам. Я отлично понимаю, что русское общество, зная мои убеждения и мое исключительное положение, пользуется мною, как первым попавшимся под руку чурбаном, чтобы бросить им в голову опостылевшему ему правительству. Что ж, — *я рад послужить обществу даже и в этом качестве*»³. Поэтому я искренне думаю, что если бы Тургенев мог слышать и знать тот шум, который происходит вокруг его гроба, то он только порадовался бы тому, что даже его прах послужил поводом к нанесению нового лишнего удара самодержавному правительству, которое он так сильно ненавидел во всю свою жизнь. В свое время князь Мещерский вполне согласился с справедливостью моих слов, и мне очень прискорбно видеть теперь, что — в силу каких бы то ни было соображений — он дозволил впоследствии своему другу Стасюлевичу совершенно исказить в русских газетах все содержание своего разговора с Лавровым и выставить этого последнего чуть ли не сознательным лжецом и клеветником, быть может, даже получившим денежное вознаграждение за свою выходку от известного русского реакционера Каткова, так жестоко оскорбленного публично Тургеневым, который отказался пожать протянутую им руку⁴.

Так как эти объяснения не могут быть напечатаны в русских изданиях, то я надеюсь, милостивый государь, что, в видах восстановления истины, вы не откажете мне в помещении их в вашей уважаемой газете, тем более что личность Тургенева очень интересна далеко не для одних русских.

Прилагаю мою карточку и остаюсь yours respectfully.*

Н. Л.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Сходную с этими высказываниями Лопатина характеристику политических позиций Тургенева содержал некролог, напечатанный в первом номере «Вестника Народной Воли», вышедшем в свет в Женеве осенью 1883 г. Хотя редакционное предисловие к номеру помечено августом, можно думать, что номер вышел не ранее начала октября, а некролог был написан в конце сентября, уже после того, как разгорелась полемика вокруг заявления Лаврова, — упоминание об этой полемике имеется в тексте некролога. Подписан он инициалами «Л. Т.» — его автором был Л. А. Тихомиров, тогда еще не вставший на путь ренегатства. Приводим текст некролога:

«22 августа/3 сентября в Париже скончался Иван Сергеевич Тургенев. Россия потеряла в нем одного из величайших своих художников слова и честного гражданина. Покойный не был никогда ни социалистом, ни даже революционером, но русские социалисты-революционеры не могут забыть, что горячая любовь к свободе, ненависть

* уважающий вас (англ.).

к произволу самодержавия и к мертвящему элементу официального православия, гуманность и глубокое понимание красоты развитой человеческой личности постоянно одушевляли этот великий талант и еще более усиливали его общественное значение. Благодаря этим сторонам своего таланта Иван Сергеевич умел во время всеобщего рабства работать над восстановлением нравственного права крепостного народа, умел схватить тип протестующего русского разночинства, развивал и вырабатывал русскую личность и создал себе почетное место среди духовных отцов освободительного движения, охватившего в настоящее время всю Россию.

Мы не имеем в виду говорить читателям о жизни Тургенева вообще. Но в ней есть, однако, многое такое, чего, конечно, не коснутся биографы легальной прессы или — еще хуже — что они могут только исказить. Один из таких пунктов представляет отношение покойного к нашему социально-революционному движению. Мы оговорились уже, что Иван Сергеевич не был ни социалистом, ни революционером, и прибавим, что он даже едва ли понимал с должной ясностью социализм вообще и русское социально-революционное движение в частности. Многим чертам последнего он не сочувствовал. Но тем характернее является его сочувствие движению в общем, как оппозиции против самодержавного деспотизма. Факт этого сочувственного отношения, доходившего иногда даже до содействия, теперь на все лады отрицается и затирается запуганной и припущенной легальной прессой. Из мелких малодушных побуждений деятели этой прессы, даже пользующиеся репутацией порядочности, позволяют себе зачеркивать в жизни Тургенева ту долю политического чутья и гражданского мужества, которая у него на самом деле всегда была. Мы считаем своей обязанностью перед памятью великого художника — восстановить факты в их истинном свете и постараемся в следующей книжке нашего „Вестника“ дать читателям материалы для правильной оценки этой стороны Тургенева — его отношения к русскому социально-революционному движению» (стр. 209—210).

В последних строках некролога Тихомиров имеет в виду статью Лаврова «И. С. Тургенев и развитие русского общества», которая появилась в «Вестнике Народной Воли», № 2 (дата этого номера — 24 апреля 1884 г.).

² 22 октября Лопатин писал Лаврову: «В моем поспешном письме о Тургеневе» есть фраза, где я говорю, что он представлял себе более счастливое будущее народа в довольно смутных — „полусоциалистических, полуфантастических образах“. Нельзя ли будет или скупировать (вычеркнуть — А. Д.) ее, или изменить как-нибудь? Таково мое впечатление, но я не сумел бы подтвердить его никакими изречениями Тургенева, если бы у меня потребовали *доказательства*» (л. 21—21 об.).

³ Эти слова Тургенева так прочно запали в память Лопатина, что через тридцать лет он почти буквально повторил их: «Ведь я понимаю, что не меня чествуют, а что мною, как бревном, бьют в правительстве» (Т. в восп. рев., стр. 126).

⁴ Лопатин имеет в виду то место из письма Стасюлевича в редакцию «Новостей», в котором он рассказывал о «глубоком огорчении», вызванном в семье Виардо письмом Лаврова, и об их намерении немедленно протестовать: «Виардо настаивали на своем и успокоились только тогда, когда один из русских, не знакомый лично с г-м Лавровым, взял на себя труд объяснить с ним предварительно. Все дальнейшее я слышал от этого самого лица, беседовавшего с г-м Лавровым. Нельзя, конечно, было поставить г-на Лаврова в невозможное положение, а именно, требовать от него полного опровержения всего письма, а потому ему предложили согласиться, по крайней мере, на напечатание возражения ему, которое выяснило бы сущность дела, с обязательством для него — не продолжать полемики. Г-н Лавров не согласился и на такое предложение, объяснив при этом, что напечатанное им письмо было именно искусным «маневром», рассчитанным на действие этого письма в России; что он не может пропустить такого случая, как смерть Тургенева; по его соображениям, вследствие его письма, должны последовать распоряжения, которые глубоко огорчат все образованное общество и в России, и в Европе, именно это-то и желательно, с его точки зрения; наконец, в своем положении, он не считает возможным стесняться в выборе средств и т. д.» («Новости», 1883, № 244, 14/26 сентября).

Имя лица, беседовавшего с Лавровым, не названное Стасюлевичем, оставалось до сих пор неизвестным, и только из настоящего «письма» Лопатина мы узнаем его фамилию. Нет сомнения, что это был А. А. Мещерский, часто навещавший больного Тургенева и рассказавший об этом в воспоминаниях «О последних днях Тургенева» (см. о нем — «Лит. наследство», т. 73, книга первая, стр. 418—419).

Лопатин, очевидно, не до конца разоблачил неблагоприятную роль Мещерского. Отвечая в письме от 19 октября на какой-то упрек Лаврова по этому поводу, Лопатин писал ему: «Я не „упустил из виду“ брехни Мещерского и отлично помню, как было дело, но не мог упомянуть об этом, не рассказав сначала его брехни, а письмо и без того было длинно. Если бы оно появилось, то я думал послать его Мещерскому при особом письме, где упомянул бы и об этом и объяснил бы ему зараз, почему я считал себя вправе назвать его по фамилии. В моем же письме для английской печати я сказал просто, что он „исказил“ весь разговор с вами» (л. 19—19 об.).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКУ «ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ»
(ЖЕНЕВА, 1877)

К Ч И Т А Т Е Л Ю

⟨...⟩ Но оставим наших публицистов и обратимся на минуту к нашим художникам, прислушивающимся чутким ухом к трепетанию народной жизни и воплощающим свои открытия в живых образах, ярко раскрывающих перед нашими умственными очами настоящую *суть* каждого нового веяния. Тут прежде всего выступает перед нами «уважаемый писатель» и «огромный талант», Федор Достоевский, обижаящийся, если не упоминают в печати, что он был в каторге за «государственное» преступление. Он развязно говорит «мученику правды ради»: «Поддай сюда свою душу! я ее искалечу и пушу в обращение. Это мое право художника». Он и понятия не имеет об этой душе, да и не чувствует, по-видимому, ни малейшей нужды в ее изучении. Он, как шелковичный червь или паук, черпает нити своей волшебной ткани из самого себя и рисует нам эту душу такую, какою она представляется его собственному больному воображению. В его голове — голове художника — возникает образ по поводу последнего политического процесса, и он изливает этот образ, налив на него ярлык *de la haute actualité* * в виде двух, трех фраз, выхваченных из процесса, или в виде двух, трех черт характерной наружности, подмеченной у кого-либо из подсудимых. Что ему до того, что тут дело касается до чужой души, души человека, у которого все, кроме этой души, отнято, человека, который ни сам защищаться, ни настоящих защитников иметь не может! Велик русский холоп в холопстве своем! Особенно, когда он обладает благородством души, могущим довести его даже до жертв в пользу своих идеалов... бессознательно построенных на холопской патриархальности!.. И если «уважаемый писатель» и «бывший государственный преступник» обращается так бесцеремонно и безжалостно с своими историческими преемниками, то чего же ожидать от заурядных холопов всех шерстей и мастей? На них уж приходится только рукой махнуть!..

Даже такие художники-джентльмены, как Ив. С. Тургенев, которого, конечно, никто не заподозрит в добровольном холопстве, посодействовали своими трудами искажению образа нашего «мученика правды ради» в глазах нашего общества. Частью недостаток знакомства с последним движением** и его представителями, частью условия нашей подневольной прессы принудили даже его избрать своими героями наименее характерные и многочисленные типы и заставить их действовать самым несообразным, чтобы не сказать смешным, образом; вследствие чего у читателя невольно получается самое неверное представление как о внутренних мотивах, толкающих наших революционеров на избранный ими путь, так и о формах их деятельности и о степени состоятельности их упований. В самом деле, кто такие эти «революционеры» г. Тургенева? Это — или аристократический вы⟨...⟩док, кидющийся как будто со зла и наперекор своей созерцательной, художнической натуре в крайнюю демократическую деятельность; или «неудачник», потерпевший крушение в любви; или же это разные Остроудомовы и Машурины — люди, «скорбные главою», хотя и «чистые сердцем», служащие послушными пешками в руках какого-то закулисного «воротиль». Есть тут еще заправский Хлестаков, выбравший случайно для своей брехни революционную почву, да прохвост Голушкин... Вот и весь персонал представителей нашей революционной молодежи! Есть тут, правда, еще молодое, симпатичное женское существо; но это — ребенок, с прекрасными порывами молодой души, с страстной жаждой принести себя поскорее в жертву за что-то высокое и благородное. Это — вновь завербованный адепт, а не деятель. Затем есть еще, пожалуй, Соломин, человек умный (по словам автора); но он поставлен в такой таинственной тени, что сам чёрт не разберет, что он такое: русский ли это Шульце-Де-

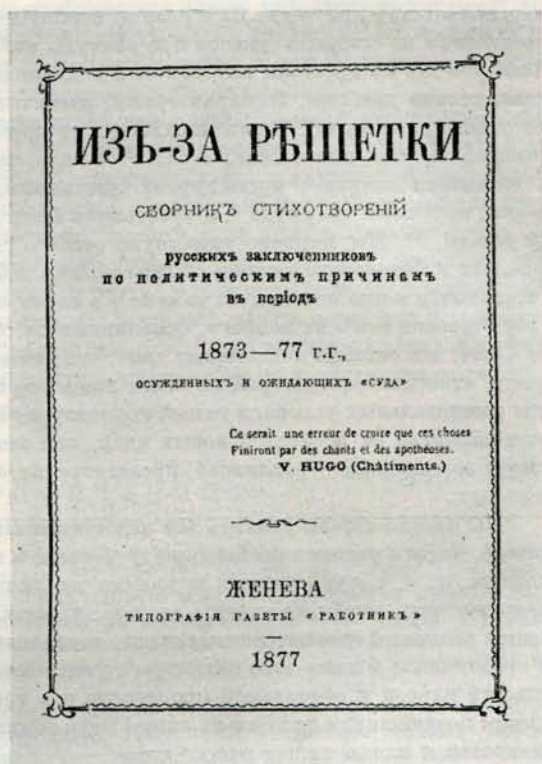
* острый злободневности (франц.).

** Видный уже из того, что чисто «народническое» движение последнего шестилетия вставлено автором в рамки «заговорщического» движения времен нечаевщины, т. е. автор смешал две ступени развития, резко различающиеся между собою по своим основным воззрениям на способ достижения новых порядков.

СБОРНИК «ИЗ-ЗА РЕШЕТКИ»
(ЖЕНЕВА, 1877)

Обложка

В предисловии к сборнику вошел критический разбор романа «Новь», написанный Г. А. Лопатиным

лич¹, alias * Верецагин², ожидающий нивестъ каких чудес от артельных сыроварен и гвоздильен; или же это тонкий агитатор, с иронией смотрящий на промахи своих чересчур горячих и неумелых товарищей и старающийся осторожно заручиться прочным влиянием на простой народ, внушив ему беспредельное доверие и уважение к себе. Итак, вот мотивы, толкающие, по мнению Тургенева, наших революционеров на их дорогу. Это — фальшивое общественное положение, житейские неудачи, обманутая любовь, умственная несостоятельность и слабость характера... Но факты жизни громко вопиют против такой простой разгадки. Переберите всех личностей последних процессов: много ли вы найдете людей, которым бы жизнь не распахивала дверей для того, что принято называть в обществе благополучием? Где это «фальшивое общественное положение и житейские неудачи», — когда мы видим тут людей с аристократическими именами, с независимым состоянием, с блестящею ученою карьерой, бросающих все это, чтобы поднять на свои плечи крест подвижничества за народ? Где эта «обманутая любовь», — когда мы видим, что ни тюрьма, ни каторга не в состоянии разорвать личных связей русских социалистов? Где эта «бесхарактерность и недомыслие», — когда мы видим, что одни и те же личности судятся во второй и в третий раз, т. е. после того как прежние заключения и муки успели уже просветлить их разумение и испытать их решимость и настойчивость? А народ г. Тургенева? Как он смотрит на усилия своих доброжелателей? Он или глядит на них, как коровье стадо, вылупя глаза и не понимая ни слова; или же, поняв в чем дело, поспешно тащит своих доброхотов в стан, нажав им предварительно в загорбок... Много ли случаев такого рода известно г. Тургеневу из действительности? И не поражает ли, напротив, всякого хотя бы ничтожность числа отобранных у крестьян экземпляров разных запрещенных изданий, по сравнению с распространенными? Что касается до нас, то мы знаем, насколько мы обязаны благожелательному и сознательному

* другой (лат.).

укрывательству крестьян. Да и разные отставные солдаты, вычитывающие по временам крестьянам из «старых» указов про «новую» волю, могут рассказать ту же сказку... Если кое-кто из крестьян и пристаёт к социализму, то это, по словам героя г. Тургенева, только дряблые, бесхарактерные, разбитые натуры, «развинченные гамлеты чахоточного сложения»³. И это писалось в то время, когда крестьянин Марк Малиновский, сказав свое умное и смелое слово в сенате, сидел в центральной каторжной тюрьме, в ожидании смерти⁴; когда другой крестьянин, Григорий Крылов, умирал в заключении, не дождавшись суда⁵; а крестьянин Петр Алексеев выступал перед судом с своей речью!..*⁶ Мы нарочно упомянули особо о г. Тургеневе, не желая смешивать его вольных и невольных ошибок с завываниями доброхотных холопов, одинаково отвратительных и когда они кричат «живи!» в своих «славянских комитетах», и когда они ревут «распи его!» на всякого, осмелившегося сбросить с себя либрево холопства. Тем не менее, эти ошибки показывают ясно, что даже сильный талант бессилён изобразить среду, относительно которой он имеет лишь кое-какие отрывочные сведения, особенно при стеснительных условиях нашей подцензурной прессы; и что если он и не натравливает общество на носителей новых идей, как это делают другие, то все-таки способствует составлению уродливого представления о новом историческом моменте и его деятелях.

Мы охотно готовы свалить все недостатки «Нови» на цензурные условия и согласиться, что эти условия необходимо требовали: и неверного помещения центра тяжести повести, т. е. сосредоточения внимания на личностях слабых, неумелых, наивных, непрактичных, чтобы не сказать глухих; и оставления в тени и даже полного исключения личностей умных, понимающих, последовательных, энергических, деятельных и практичных; и даже того натянутого утешения, которое заключается в невосприимчивости народа к социальной пропаганде и в неопасности пропагандистов... Но ведь нашим подвижникам от этого не легче! Ведь обыкновенная публика не разбирает таких тонкостей и плохо читает между строк.

Художественные образы насильственно врываются в ее воображение, становятся для нее живыми лицами, и она не в силах удержаться, чтобы не судить о новом направлении и его представителях по «Нови».

Стоит ли толковать после этого о деятелях ванькиной литературы — о шпионах Третьего отделения, помещающих свои «злохудожества» в «Русском вестнике», литературных флюгарках вроде Незнакомца⁷, о наездниках и башибузуках «Голоса», уверявшего, что казанская демонстрация произведена на «иностранные деньги»⁸ и пользующегося каждым процессом социалистов, чтобы намекнуть, кому следует знать, что если бы дали волю печати (читай: «Голосу»), то она бы живо пресекла в корне это зло, — и о множестве других «литераторов» этого сорта, столь же неизбежных во всякой прессе, как сочинители кабацких прошений в адвокатуре.

Кажется, уже довольно! Ведь мы не пишем здесь литературной характеристики «рабьих речей»⁹ и коснулись их лишь для того, чтобы показать читателю цвет и запах того источника, из которого он почерпает свои сведения о личности русского социалиста. Не первый год народилось у нас это племя, у которого всегда готово на языке «слово и дело государево», и не со вчерашнего дня ворвалось оно в нашу литературу. Литература, которая добивается свободы печати, чтобы поступить в околоточные, которая подает доносы в форме передовых статей, достаточно рекомендует этим сама себя, и мы отказываемся раскапывать далее эту грязь. Мы и то слишком зарвались, коснувшись этого наболевшего места. Мы хотели только показать, что объяснения занимающего нас явления, даваемые нашей литературой, характеризуют только самих ответчиков и литературу, в которой они подвизаются, а не явление, которое они берутся разбирать;

* Скажем мимоходом, что всюду на белом свете констатирован тот факт, что к социалистическому движению пристают обыкновенно наиболее интеллигентные из рабочих, самые энергичные люди и лучшие мастера. Так было в 1848—1871 годах во Франции, в 1864 г. в Германии (Лассальянское движение) и в Интернационале; то же самое было и в Парижской Коммуне и, наконец, то же самое происходит на наших глазах за последнее время и на Руси.

и что все литературно-художественные изображения наших революционеров представляют уродливые портреты, которые обманывают общество, отвлекают его внимание от изучения действительных материалов и мешают подвигу наших мучеников действовать на наше апатичное общество с надлежащею полнотою и силою.

Довольно уродовали душу русского «мученика правды ради» Пора, наконец, ему самому сказать свое «душевное слово»! Пора показать «отцам» их «детей» словами самих этих «детей»! Пора дать возможность обществу судить о внутренней физиономии наших подвижников за народ по неподдельным документам! Мы думаем, что для того, чтобы раскрыть перед одним человеком душу другого, едва ли есть средство лучше лирики; ибо истинно поэтическая стихотворная строфа не допускает лжи: последняя сейчас же скажется в деланности и холодности стиха. Вот почему, в видах ознакомления нашего общества с нашими подвижниками, мы решились начать с выпуска в свет этого сборника стихотворений, писанных разновременно, в различных тюрьмах империи, лицами, содержащимися в настоящую минуту под стражею по обвинению в социально-революционной пропаганде¹⁰.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ О Германе *Шульце-Деличе* см. настоящ. том, стр. 90.

² Николай Васильевич *Верецагин* (1839—1907) — агроном, брат художника В. В. Верецагина. В 1866 г. организовал первую в России артельную сыроварню и затем энергично содействовал дальнейшему распространению этого опыта. Народники придавали большое значение верещагинским артелям, видя в них одно из средств для того, чтобы предотвратить переход крестьянского хозяйства в России на путь капиталистического развития.

³ Имеется в виду следующее место из романа «Новь» (письмо Нежданова к другу Силину): «Помнишь, была когда-то — давно тому назад — речь о „лишних“ людях, о Гамлетах? Представь: такие „лишние люди“ попадают теперь между крестьянами! Конечно, с особым оттенком... притом они большей частью чахоточного сложения. Интересные субъекты — и идут к нам охотно; но собственно для дела — непригодные; так же, как и прежние Гамлеты» (гл. XXX).

⁴ Марк Прохорович *Малиновский* (ок. 1851—1876) — крестьянин д. Пеньково, Романово-Борисоглебского у., Ярославской губ., с 1867 г. работал в Петербурге слесарем. Арестованный 15 ноября 1873 г. за революционную пропаганду среди рабочих, он был предан суду Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях и приговорен 14 октября 1874 г. «к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на семь лет». Отбывал наказание в Ново-Белгородской центральной каторжной тюрьме, где и умер, по-видимому, от туберкулеза. В женевской газете «Работник» (№ 2, февраль 1875 г.) была напечатана статья о суде над Малиновским с изложением его речи в сенате (см. о нем: А. Файнштейн. Марк Малиновский, рабочий-пропагандист начала 70-х годов. М., изд-во «Красная новь», 1923).

⁵ Григорий Федорович *Крылов* (1849—1876) — крестьянин с. Андреевского, Новоторжского у., Тверской губ., участник «хождения в народ». В марте 1874 г. был арестован по делу 193-х, но вскоре освобожден и отдан под надзор полиции. Арестованный снова в августе того же года, был посажен в тюрьму и летом 1876 г. умер в тюремной больнице от туберкулеза (см.: «Деятели революционного движения в России», т. II. Семидесятые годы, вып. 2. М., 1930, стб. 696).

⁶ Петр Алексеевич *Алексеев* (1849—1891) — крестьянин по происхождению, был рабочим на ткацких фабриках, участвовал в революционном движении 70-х годов. Его речь на «процессе 50-ти», произнесенная 10 марта 1877 г., приобрела историческое значение как яркое свидетельство возросшего революционного сознания рабочего класса в России. За эту речь Петр Алексеев был приговорен к 10 годам каторги.

⁷ Незнакомец — псевдоним А. С. Суворина. Лопатин имеет в виду его превращение из либерала в крайнего реакционера, которое совершилось в 1877 г., вскоре после того, как он стал издателем газеты «Новое время».

⁸ Либеральная газета «Голос», издававшаяся А. А. Краевским, изложила свое мнение о демонстрации у Казанского собора в Петербурге, состоявшейся 6 декабря 1876 г., в передовой статье № 341, 10/22 декабря и в фельетоне «Листок», № 343, 12/24 декабря 1876 г.

⁹ «Рабы речи» — получившее широкое распространение выражение М. Е. Салтыкова-Щедрина, которое было употреблено им в рассказе «Зиждитель» (1874), вошедшем в цикл «Помпадуры и помпадурши».

¹⁰ Вслед за этим речь идет о собранных в книге стихотворениях, в которых выражена *«лирическая»* сторона души нашего революционера». Предупреждая читателей, что составители сборника «не имели в виду полного изображения физиономии русского революционера», автор предисловия снова обращается к роману Тургенева:

«Однако и предлагаемого уже достаточно, чтобы показать, насколько заслуживают доверия лубочные изображения наших революционероов, хотя бы и писанные пэтокой, как в первой части «Нови». В самом деле, не характерно ли, что те самые люди, которые, по словам «маститого беллетриста», И. С. Тургенева, негодуют на личное чувство, чуждаются поэзии, стыдятся стихов и поставляют чуть ли не задачей жизни презрение к эстетике вообще и к поэзии в частности, что эти самые люди выступают теперь в публику с томиком стихотворений? О, как же вы плохо знаете, гг. маститые беллетристы, ту среду, которую вы беретесь описывать, не смотря на всю вашу многоопытность, на все ваше сердцеведение!» (стр. XXV).

В отрывке из предисловия, приведенном в сб. Т. в восп. рев., М. К. Клеман произвольно перенес эти строки в другое место — после абзаца «Художественные образы<...> по „Нови“», находящегося на стр. XIX.